

18+

РОМАН МИЦИХИН

Там, где нас нет

Роман Мицкихин

Там, где нас нет

«Издательские решения»

Мищихин Р.

Там, где нас нет / Р. Мищихин — «Издательские решения»,

Для сорокалетнего Артёма каждая ночь — это приговор. Как только он закрывает глаза, его затягивает в Сумрак — мрачный параллельный мир, где не бывает рассвета. Это место соткано из его собственных страхов, и с каждым «сном» оно становится всё реальнее. «Там, где нас нет» — это напряженный психологический триллер, где самый страшный лабиринт — это наша собственная душа. И чтобы найти выход, иногда нужно заглянуть в самую бездну. Этот рассказ посвящаю тебе — мой читатель!

© Мищихин Р.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Незнакомец	8
Глава 2. Будни	11
Глава 3. Сон	14
Глава 4. Не та дверь	18
Глава 5. Вопрос	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Там, где нас нет

Роман Мищихин

© Роман Мищихин, 2026

ISBN 978-5-0069-9819-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Артёму было сорок, и он ненавидел засыпать.

Сон перестал быть убежищем от реальности ровно месяц назад. Теперь это был тщательный ритуал: проверка замков, стакан воды у кровати, тусклый свет ночника, подсознательная попытка зацепиться за реальность. Но как только сознание отпускало вахту, его накрывала та же, знакомая уже, волна ледяного воздуха, пропитанного запахом сырого камня, воска и далёкой, несъедобной горечи.

Он открывал глаза уже там.

Не в своей тёплой постели в «однушке» на окраине Москвы, где за окном гудят редкие ночные машины. Нет. Он стоял на скользкой брусчатке, вылизанной вечным сумраком. Над головой в беззвездное, чернильное небо вонзались зубья остроконечных крыш. Город-гравюра, город-призрак. Желтые, чахоточные пятна света от фонарей со стеклами, покрытыми слоем копоти, лишь подчеркивали глубину мрака. Воздух здесь был густой, тяжелый, его можно было, кажется, зачерпнуть ладонью.

Черт, опять. Опять этот город.

Первое и главное правило этого места он выучил на собственной шкуре. Цена урока — панический, с заходящимся сердцем, бег по лабиринтам улиц и несколько часов, проведенных в вонючей каморке под лестницей, где он сидел, обхватив дрожащие колени и слушая, как бешено колотится кровь в ушах.

Правило было простое: не разговаривай.

В первую ночь он, конечно, попробовал. Дурак. Он увидел старуху в плаще, она горбилась над пустым прилавком, на котором лежала одна-единственная черная роза. Цветок был настолько черным, что казался дырой в реальности.

— Извините, — голос Артёма прозвучал глухо, как под водой. — Где я?

Она подняла голову. Её лицо было похоже на старый, потрескавшийся пергамент. Но глаза... Господи, её глаза. В них полыхнул такой голод, такой неутолимый, сосущий голод, что у Артёма похолодела спина. Это был взгляд голодной собаки, которая не ела неделю и вдруг увидела сочный кусок мяса. Этим мясом был он.

— О, сынок, — просипела она. — Ты спрашиваешь где ты? Я расскажу тебе. Это было давно. Мой отец был мясником, а мать кондитером...

Она говорила. Говорила без остановки, делая шаг к нему. О деталях быта, о цене на хлеб, о погоде в давно умершую весну. Её монолог был гипнотическим, затягивающим. Артём почувствовал, как его собственная воля, его память начали растворяться в этом потоке чужих, никому не нужных воспоминаний. Он словно сам становился серым и безжизненным.

Он отступил. Старуха продолжила, двигаясь за ним, её слова теперь звучали острее, цепляясь за сознание крючками. Он побежал. И бежал, пока её голос не растворился в шепоте ветра в щелях между камнями.

С тех пор он стал молчать.

Каждую ночь город подкидывал ему новые декорации. Мост через черную, как деготь, реку, где вода не отражала даже фонарей. Сквер с голыми деревьями, похожими на вздернутые руки мертвецов. Библиотеку, где на корешках книг не было букв и только слепая, пустая кожа. Повсюду были люди. Тени. Они двигались, перешептывались, и их шепот напоминал шорох крыс в стенах старого дома. Но стоило ему, Артёму, издать звук, обратиться к ним и взгляд тут же находил его. И тогда начиналось. Жадно рассказанные истории портного о пропавшей пуговице. Исповедь сторожа о трещине в стене, которую он наблюдал тридцать лет. Бесконечный, удушающий водопад банальностей, за которым скрывалась какая-то тёмная, поглощаю-

щая энергия. Он научился скользить тенью, задерживать дыхание, прятаться в арках. Он не чувствовал себя избранным. Он существовал здесь как призрак, наблюдая за этим балетом молчаливых марионеток, готовых в любой момент ожить и заговорить, чтобы съесть его время, его мысли, его самого.

Но зачем? Вопрос висел в липком воздухе каждую ночь. Какая его задача? Это наказание? Сон разума? Или испытание? Он не чувствовал себя избранным. Он чувствовал себя заблудившимся. Мысль «что я должен в итоге сделать с этим миром?» казалась абсурдной и чудовищной. Как можно что-то сделать с местом, где нельзя даже заговорить?

И вот всё изменилось. Прячась от группы бормочущих монахов на латыни, он втиснулся в узкий проход между двумя соборами. Тупик кончался стеной, у которой горел одинокий фонарь. И под этим фонарем стоял человек. В длинном плаще с капюшоном. Он не двигался. Но он смотрел прямо на Артёма.

Это был мужчина в длинном, поношенном плаще с капюшоном. Он смотрел прямо на Артёма. И в его глазах в капюшоне не было того жадно-пустого блеска. Там была усталость. Такая же, как у Артёма. И понимание. Мужчина медленно поднял палец к губам в универсальном жесте: «Тише». Затем он кивнул в сторону тёмного проема, похожего на служебную дверь.

Впервые за тридцать ночей в этом мире вечной ночи у Артёма появилась надежда. Страх отступил, уступив место холодному, острому, как бритва, любопытству. Возможно, он нашел того, кто знает правила. А возможно того, кто, как и он сам, мечтает разбить эти правила к чертям собачьим.

Глава 1. Незнакомец

Дверь была не дубовой и массивной, как всё вокруг, а просто старой, деревянной, с потрескавшейся черной краской. Она бесшумно поддалась под давлением ладони незнакомца, впусав их в темноту, пахнущую пылью, старостью и... чем-то ещё. Чем-то вроде сушёных трав. Запах был едва уловимым, но столь чуждым общей атмосфере города, что Артём на мгновение застыл на пороге.

Видимо мозг во сне может генерировать и запахи.

— Входи, — голос незнакомца был низким и хриплым, но в нём не было того гипнотического потока. Он был человеческим.

Артём шагнул внутрь.

Дверь закрылась, отсекая жёлтый свет фонаря. На несколько секунд воцарилась абсолютная, давящая темнота. Потом с шипением вспыхнула керосиновая лампа. Свет заметался по стенам, отбрасывая длинные, дергающиеся тени. И в этом пляшущем свете Артём увидел стеллажи. Целые стены, заставленные банками, склянками, пучками растений, названий которым он не знал. Это была лавка травника. Настоящая, старая, забытая временем лавка. Здесь пахло не только пылью, но и чем-то древним. Чем-то, что помнило руки, собиравшие эти травы сто, двести лет назад.

Артём огляделся и вдруг понял, чего здесь не хватает. В углах висела паутина. Пустая. Ни одного паука. И вообще, за весь месяц в этом городе он не видел ни одной твари. Ни крыс, ни кошек, ни даже мух. Только люди. Только тени.

Незнакомец скинул плащ, бросил его на стул. Под ним оказалась простая, поношенная серая рубаша. Он выглядел на свои... сложно было сказать. На сорок пять? Пятьдесят? Но в глубине глаз, обведённых тёмными кругами, было что-то, что говорило о гораздо большем возрасте. Морщины на лице и пару старых рубцов на руках подтверждали этот тезис.

— Ты новичок. Видно по глазам. В них ещё есть паника, — незнакомец налил воды из глиняного кувшина в две чашки, протянул одну Артёму. Тот машинально взял. Руки дрожали.

— Я Артём, — выдохнул он, нарушая своё же правило впервые за долгое время. Но здесь, в этой комнате, звук его голоса не вызвал катастрофы. Стены не рухнули, тени не набросились. Только тишина стала чуть теплее.

— Лука, — кивнул мужчина. Он отпил, внимательно изучая Артёма. — Ты здесь месяц. Плюс-минус. Правило не разговаривать с этими ты выучил. Иначе бы мы не разговаривали.

— Кто они? Что это за место? — вопросы хлынули наружу, срываясь с губ. — Почему я возвращаюсь сюда каждую ночь?

Лука вздохнул, поставил чашку на стол, заляпанный восковыми пятнами.

— Они — обитатели этого Сумрака. Тени. Призраки. А место... — Он сделал паузу, подбирая слова. — Ловушка. Эхо забытых мыслей. Мне проще думать о нём как о Сумраке. Промежутке.

— Промежутке между чем и чем?

— Между сном и явью. Между жизнью и..., наверное, не-жизнью. Здесь сознание тех, кто по какой-то причине потеряли якорь в реальности, в жизни. Но ты, Артём... — Лука прищурился. — Ты не должен здесь находиться.

Слова повисли в воздухе, холодные и тяжёлые.

— Что значит «не должен»? Я же здесь! Каждую ночь! Какого?!

— Ты — непрошенный гость. Твоё тело спит там, в твоём мире. Но твой разум, твоя сущность, дух — они просочились сюда, как вода сквозь трещину в плотине. У обитателей Сумрака нет якоря вовсе. Они — то, что от них осталось. А у тебя видимо, что-то есть. Ты должен быть там.

— Как я сюда попал? — голос Артёма звучал сдавленно.

Травма, — пожал плечами Лука. — Сильнейший стресс. Пограничное состояние психики. Транс. Иногда просто сбой. «воя задача — не «что-то сделать с этим миром». Твоя задача — понять, как заделать трещину. Как вытолкнуть себя отсюда. Навсегда.

Артём смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает злость. Глупая, иррациональная злость на то, что этот человек говорит так спокойно, так буднично о вещах, которые превратили его жизнь в кошмар.

— А ты? Почему ты здесь? Почему ты... в здравом уме?

На лице Луки мелькнула гримаса, похожая на улыбку, но лишённую радости.

— Я застрял здесь глубже, чем надо. Мой якорь там, в реальном мире и почти сгнил. Но он ещё есть. — сказал он. — Даже знаешь, я забыл реальность. Словно я наказан.

Он встал, подошёл к полке, взял странный предмет. Компас. Старый, латунный, с потрескавшимся стеклом. Но стрелка под стеклом не дрожала, не искала север. Она смотрела строго вверх. В потолок. Будто там, за досками и камнем, было то, что притягивает сильнее магнитного полюса.

— Здесь всё держится на энергии сознания, бытия или еще на чем-то, — сказал Лука, вертя компас в руках. — Их болтовня — это попытка забрать твою энергию, присвоить себя, осознать себя, чтобы заполнить свою пустоту перед последним вдохом этого мрака. Они как пиявки. Как вампиры, только сосут не кровь, а память и твою суть. Но чтобы выйти, нужно найти точку разлома — место, где граница между мирами тоньше всего. Обычно это место, связанное с твоими воспоминаниями. С твоим, например, первым визитом. Вспомни. Куда ты попал в первую ночь?

Артём закрыл глаза, заставляя память пробиться сквозь слой страха. Первая ночь. Не просто переулочек, а...

— Площадь, — выдохнул он. — С фонтаном. Но в нём не было воды. Только чёрный, засохший ил. И... колокольня. Над площадью.

Лука кивнул, и в его глазах вспыхнул слабый огонёк.

— Хорошо, — сказал он. — Это наше начало. Завтра... то есть, в следующую твою ночь, мы попробуем добраться туда. Там, в точке первого контакта, может быть дверца. Маленькая. Но чтобы её открыть, тебе нужно будет быть сильнее, чем этот мир. Собранный. Держись за свою настоящую жизнь. За каждый её скучный, мимолётный момент. Это твоё оружие. Наверное.

Разговор длился, как показалось Артёму, несколько часов. Здесь время текло странно: то тянулось, как мёд, то сжималось, как пружина. Иногда час в Сумраке равнялся шести часам в реальности, иногда двадцати минутам. Времени здесь не было. Было только «сейчас», которое могло длиться вечность.

Впервые за месяц в этой вечной ночи у него появилась призрачная надежда выйти отсюда и стать нормальным человеком.

Он почувствовал знакомое головокружение. Легкое, но неумолимое. Тело там, в реальности, начинало требовать его назад. Зов плоти. Сигнал будильника, который не слышат уши, но чувствует душа.

— Уходи, — тихо сказал Лука. — До следующей ночи.

Тьма стусилась, но теперь она не пугала. Она была туннелем. Дорогой домой.

Артём вздрогнул и открыл глаза. Утро. Свет раннего солнца пробивался сквозь щели в шторах, выхватывая знакомые очертания его спальни: книжную полку, экран «компа», складку на одеяле.

Он лежал, слушая стук собственного сердца, который постепенно замедлялся. Он был дома. Он вырвался.

Слова Луки отдавались в голове твёрдым, ясным эхом: *«Ты не должен здесь находиться»*.

Артём улыбнулся. Потянулся, чувствуя приятную тяжесть в мышцах, ту самую, которая бывает после долгого, глубокого сна. Он представил, как встанет, сварит кофе, включит музыку. Обычное утро. Скучное, мимолетное, драгоценное утро.

И в этот момент раздался глухой, мощный удар. Не в дверь квартиры. Громче. Ближе. Как будто в саму стену у его изголовья. Удар был настолько сильным, что зазвенели стёкла в окне. Артём вздрогнул всем телом, сердце сорвалось в бешеный ритм. Адреналин ударил в виски.

Он замер, прислушиваясь. Тишина. Только пульсация в ушах. Может, показалось? Сонная галлюцинация на границе миров? Он медленно поднял руки, чтобы потереть глаза. И застыл.

На внешней стороне обеих ладоней, чуть ниже основания пальцев, проступали два небольших узора. Они не болели. Они были просто... там. Тёмно-бордовые, почти чёрные, как засохшая кровь. Два символа, похожих на математический знак бесконечности, перевернутую восьмерку, петлю, у которой нет ни начала, ни конца.

Стигматы.

В квартире стояла тишина. Но теперь она была звонкой, натянутой, как струна. Артём сидел на кровати, не в силах оторвать взгляд от своих рук, а в голове пульсировал единственный, леденящий вопрос: *если он вернулся, то что же тогда пробило вместе с ним?*

Глава 2. Будни

Реальность оказалась шумной, пахучей и удивительно прочной. Контора «АвтоСТО на Можайке», где Артём работал старшим слесарем-ремонтником, встретила его гулом компрессоров, скрежетом металла и запахом бензина, машинного масла и старой пыли. Эти запахи были его якорем — грубым, мужским, неоспоримым.

— Артёмыч! Капец ты помятый! — громовой голос Бориса, его друга и напарника, пробился сквозь грохот.

Боря, его напарник и друг, мужик с медвежьей фигурой и щетиной такой густоты, что в ней можно было прятать мелкие детали. Он подкатил на тележке под разобранный передок «Приоры». Роба в масле, глаза хитрые, улыбка до ушей.

— Все выходные не спал, что ли? — Боря подмигнул, вытирая руки ветошью, которая когда-то была белой. — Нашёл наконец-то кого-то, я надеюсь?!

Артём невольно вздрогнул. Боря шутил всегда так, язвительно, грубо, но с той особой теплотой, которая в мужской дружбе заменяет все эти нежности. Базис.

— Тебе бы, гаечный ключ сорок пятого размера на твою пустую голову, чтоб не мозолил тут, — отозвался Артём, натягивая потрескавшиеся перчатки.

Стигматы в форме вечности, теперь уже просто тёмные, чуть шелушились. Они не болели, но жгли слегка, будто напоминали: *мы здесь, мы никуда не делись, и ты тоже никуда не денешься.*

— Да у меня же мечты светлые! — Боря ловко, прямо с тележки, поймал болт, который Артём уронил, даже не глядя. Рефлекс. — Мечтаю, чтоб этот утиль окончательно рассыпался, и Марат купил нам наконец новый подъёмник. Ну, рассказывай, что в этот раз? Опять по тёмным переулкам за тобой бабки в платочках гонялись, бормоча, почему ты не Прохор Шаляпин?

Здесь всё было просто и логично. Болт не лез — значит, сорвана резьба. Стучит — значит, подшипник гранаты накрылся медным тазом. Причина и следствие. Не то что там, где правила выдумывает кто-то невидимый, а тени хотят сожрать твои воспоминания. Он вкручивал каждый винт с почти болезненным тщанием, будто закручивал не гайки, а собственную реальность, которая норовила разболтаться и развалиться на части.

Машина — молчаливый, железный механизм, она поддавалась его рукам. Не спорила, не задавала вопросов, не пыталась заговорить. Просто ждала, когда её починят. И это было исцелением.

Где-то глубоко внутри, под слоем усталости и страха, Артём даже чувствовал себя почти счастливым.

Но даже в этой прочности были трещины. Память, как назойливый клиент, который приходит без записи и требует срочного ремонта, то и дело подсовывала ему образ Инны.

В этот раз виновато было радио. Откуда-то из глубины бокса, сквозь шипение динамиков, пробилась песня. Та самая. «Lost on you». Под неё они когда-то танцевали, пьяные, счастливые, в каком-то дурацком баре, где играла живая музыка. Он помнил, как прижимался лицом к её волосам, вдыхал запах, и в голове крутилось только одно: *не могу надыхаться.*

Они познакомились на курсах английского — романтический порыв, который у Артёма так и остался порывом, а у Инны превратился в хобби. Три года. Годы совместных поездок на кривой «Гранте», шашлыков у друзей на даче. Три года тихих вечеров, когда она читала своих «инфо-цыган» и смотрела YouTube-каналы про карты Таро, а он сидел за компом и орал в чат: «Я ПЛЭНЧУ НА Б!» — и она смеялась, закатывала глаза, но никогда не просила сделать потише. Годы, когда он был уверен, что это — навсегда.

Но «навсегда» Инны оказалось другим. Более светлым, уверенным, распланированным по квадратикам ежедневника. Её новый избранник, Сергей, был архитектором. Человеком с

планами, чертежами и твердой рукой, которая ведет в будущее, а не летает в прошлое. Не то что Артём, старший слесарь с вечно масляными руками и «американскими горками» в отношениях.

Они расстались мирно. Вернее, она ушла красиво и аккуратно, даже с извинениями, а он отпустил. Не потому, что не мог бороться. А потому, что увидел в её глазах не боль, а облегчение. И что-то еще. Уважение? Благодарность за то, что он не устраивает сцен, не цепляется, не превращает разрыв в дешевую мелодраму.

Он принял правила игры.

И теперь они стали «друзьями». Он приходил к ним на новоселье. Потом на день рождения дочки — смешной девчонки с глазами Инны и отцовскими ямочками на щеках. Улыбался, дарил подарки, пил чай на их кухне, светлой и стерильной, как из журнала IKEA, и чувствовал, как внутри медленно, но верно ржавеет какая-то важная деталь.

Он до сих пор любил её.

Не страстно, не требовательно, не как мужчина, который надеется вернуть. А тихо, упрямо и безнадежно, как любят родной дом, в котором больше не живут. Заходить можно, но оставаться — нельзя.

И это чувство было еще одним Сумраком. Тихим, внутренним, невидимым для других. Миром «что могло бы быть», погруженным в вечные сумерки сожаления.

Артём тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Взял в руки следующий болт. Вкрутил. Вытер пот со лба.

Работай, сказал он себе. Работай, твою мать. Здесь и сейчас.

Вечером, после душа, который смыл с тела слой грязи, но не смыл тяжесть изнутри, Артём не пошел домой.

Он зашёл в «Гараж» — бар недалеко от сервиса, где часто тусовались такие же, как он, «технари» и даже мигранты. Бар был его любимым местом, после расставания с Инной: гул голосов, звон бокалов, телевизор со спортом, иногда в прикол и с порнухой. Никакой тишины, в которой могли бы просочиться шёпоты из другого мира. Чисто «пацанский вайб».

Артём сидел за стойкой, медленно потягивая тёмное пиво, он любил стаут «Black Ship» — густой, горьковатый, с привкусом шоколада и кофе. Старался думать о подшипниках, о ступицах, о том, что завтра надо поменять масло в «Логане» у клиента, который вечно недоволен.

И почти преуспел. Почти.

Пока его взгляд не зацепился за стену.

Там, среди старых номерных знаков, ржавых разводных ключей и постеров с полуголыми женщинами, припаянными к капотам ретро-авто, висела картина.

Вернее, плохая копия. Масло, дешевый холст, любительская работа. Такое покупают на блошиных рынках за триста рублей или оставляют в наследство от прежних владельцев, когда лень выкидывать.

На картине был изображен старый европейский городской пейзаж.

Сумерки. Кривые улочки. Фонари с желтым светом. И паб в центре, с вывеской, которой не разобрать.

Сердце Артёма екнуло. Пропустило удар. Потом дернулось, как заглохший мотор, который пытаются завести с толкача.

Он пригляделся.

Стиль был грубым, топорным. Художник явно не умел рисовать: мазки кривые, перспектива плывет. Но детали... брусчатка, уложенная неровными рядами. Остроконечные шпильки, врезающиеся в серое небо. И фонари. Те самые, с закопченными стеклами, разбрызгивающие желтую, болезную слизь света.

И фигура.

На первом плане, перед пабом, стоял человек в длинном темном плаще. Лица почти не видно, только овал, смазанный небрежными мазками, будто художник не знал, как рисовать лицо, или специально оставил его пустым. Но поза. Скрещенные на груди руки, легкий наклон головы, будто он наблюдает за чем-то из темноты, была до жути знакомой.

Лука.

Это был он. Твою мать. Это был Лука.

Пиво во рту мгновенно приобрело вкус пепла. Гул бара отодвинулся, стал далеким, невнятным шумом, будто Артёма накрыли стеклянным колпаком. Он слышал только стук собственного сердца: тяжелый, ухающий, как тот утренний удар в стену.

Холодный пот выступил на спине, потек между лопаток.

Это была не фотографическая точность. Это было узнавание, образ. То самое чувство, когда видишь человека, которого знаешь, но не можешь вспомнить, откуда и вдруг понимаешь, что видел его только во сне. В самом страшном сне.

Значит, Сумрак, это не просто плод его больного сознания? Значит, Лука или то, чем он является, та сущность, что называет себя Лукой, существует где-то на каком-то уровне, доступном не только Артёму? Или это мозг, травмированный снами, теперь проецирует образы на реальность, как проектор, который сломался и показывает одно и то же на всех стенах?

Артём допил пиво одним глотком, обжег горло горечью. Поставил бокал на стойку. Слишком громко. Бармен покосился, но ничего не сказал.

Надо уходить. Надо убираться отсюда, пока...

Пока что?

Пока картина не ожила? Пока фигура не сошла с холста и не подошла к нему?

Он встал, бросил деньги на стойку: больше, чем нужно, и пошел к выходу. Не оборачивался. Не смотрел на стену. Но спиной чувствовал, что там, за спиной, дешевая безобидная картина смотрит на него пустым, намеренно не прописанным лицом.

Дверь за ним закрылась.

Когда он вышел из бара, все замолчали и посмотрели на закрывшуюся дверь за Артёмом.

Глава 3. Сон

Страх перед сном теперь был другим. Ушел тот животный, липкий ужас перед неизвестностью, когда не знаешь, что тебя ждет за закрытыми веками. Вместо него пришло холодное, отчетливое ожидание. Как перед укусом, который неизбежен, но ты уже знаешь, что боль терпима, и главное: не дергаться.

Артём лежал на спине, глядя на стену где висел ржавый ключ на семнадцать — «счастливый», подаренный Инной еще в те времена, когда она дарила подарки просто так, без повода. Тяжелый, холодный, настоящий.

Он вслушивался в звуки. Холодильник за стеной гудел ровно, с привычным металлическим призвуком. Где-то этажом выше зашумела вода в трубах. Собственное дыхание: вдох, выдох, вдох, выдох.

Он не хотел туда. Ни капли.

Но должен был, по всей видимости.

Волна холода, запах камня. Он открыл глаза, стоя в том же переулке у лавки Луки. На этот раз он не растерялся. Он ждал.

Дверь приоткрылась, и в щели блеснул глаз. Белок на фоне темноты, зрачок, впившийся в него с той особой напряженностью, с какой смотрят часовые на линии фронта.

— Быстро! — прошептал Лука.

Он выглядел ещё более измождённым, чем в прошлый раз. Глубже запавшие глаза, резче обозначились скулы, кожа приобрела тот сероватый оттенок, какой бывает у старых газет, долго пролежавших на солнце. Измождение читалось в каждой линии лица.

— Сегодня ночь тяжелая, — выдохнул Лука, втягивая Артёма внутрь и сразу же прикрывая дверь. — Следуй за мной. Повторяй каждое движение. Не отступайся.

Он помедлил, и в его глазах мелькнуло что-то, но не страх, скорее предупреждение.

— И, да, Артём... что бы ты ни увидел — молчи. Понял?

Артём кивнул.

Они выскользнули, как две тени. Лука вёл его не главными улицами, а лабиринтом проходов, внутренних двориков, где даже фонари не горели. Сумрак был как дымка, ты словно во сне, но в четком сне. Город был пуст, но от этого не становился безопаснее. Шёпот лился отовсюду: из-за ставен, из решёток ливневок, из самой толщи стен. Это был шелест миллионов забытых слов. Артём даже не понимал некоторые языки этих слов.

Они дошли до площади.

— Смотри! — едва слышно бросил Лука, прижимаясь к стене, когда мимо прошла процессия молчаливых, склонённых фигур в капюшонах. — Как мотыльки на свет. Только свет там не фонарь. Там точка выхода.

Они подбирались всё ближе. Шёпот сливался в низкий, невнятный гул, словно перед грозой. И вот, за очередной аркой, открылась она, та самая площадь. Фонтан в центре действительно был сухим.

Вокруг него застыли десятки, сотни фигур. Они стояли неподвижно, как статуи, и все смотрели вверх. На колокольню.

Шпиль колокольни уходил в черное никуда, терялся в той пустоте, которая здесь называлась небом. И оттуда, с самой вершины, сочилось что-то. Артём не мог разглядеть, но чувствовал кожей.

— Смотри, — шепнул Лука, кивком указывая на край площади. — Не твоя ли там точка? Где ты в первый раз очнулся? Видишь трещину в плитах? У фонарного столба.

Артём присмотрелся. Да. Тот самый фонарь с больным желтым стеклом. И рядом разлом в брусчатке, черный, неровный, будто земля здесь когда-то вздохнула и забыла выдохнуть обратно.

Он помнил. И как дети в черном чуть не сбили его тогда, в первую ночь.

В этот момент с колокольни ударил колокол.

Звук был не металлическим, глухим, тягучим, как падение тяжелого тела в болотную жижу. Он вошел в грудь, заполнил легкие, заставил сердце пропустить удар. В этом звуке не было призыва к молитве. В нем была беда.

Тишина.

И площадь вздохнула.

Из толпы выступила фигура. Женщина в длинном платье, с черной розой в руке: той самой, какие Артём видел в первую ночь у старухи. Она подняла лицо к колокольне, и рот ее открылся в беззвучном крике.

И тогда с вершины полилась тьма.

Это было не отсутствие света. Это было нечто физическое, осязаемое и густое, вязкое, как смола, текущее вниз тягучей струей. Тьма обволокла женщину, затекла в рот, в глаза, в уши, заполнила складки одежды, просочилась под кожу.

Женщина не сопротивлялась. Она протянула руки вверх, будто встречая долгожданное объятие. На лице ее — Артём видел это отчетливо — не было ужаса. Только облегчение.

Несколько секунд и от нее не осталось ничего. Ни тела, ни платья. Только на брусчатке, там, где она стояла, проступило темное пятно, чуть чернее камня. И роза, упавшая на плиты.

У Артёма подкосились ноги. Он вцепился в стену, чтобы не осесть на землю.

Это было не убийство. Это не было насилием.

Это был уход. Окончательный, бесповоротный, добровольный.

Колокол ударил снова. На место первой вышла группа — трое, старик и две женщины. Они встали туда же, подняли лица. И снова поток тьмы, и снова только тени на камне.

— Каждую ночь, — донесся до Артёма сдавленный шепот Луки. Голос его дрожал. — Они отдают себя. Понимаешь? Их истории кончились. Они сами иссякли. Им нечего больше рассказывать. И они становятся частью... этого.

Артём смотрел на площадь, и в голове у него медленно складывалась картина. Фонтан, колокольня, этот жуткий ритуал поглощения — это был ритуал. Утилизации опустевших душ. Тех, кто выговорился до конца, исчерпал себя, превратился в пустую оболочку, которая даже шептать больше не может.

Внезапно Лука рванул его за рукав с такой силой, что Артём едва не потерял равновесие.

— Беги! — выдохнул Лука ему прямо в ухо. — К своей точке! Сейчас, пока они заняты! Беги!

— А ты? — Артём вцепился в его руку.

Но Лука уже отталкивал его, и в глазах его горела решимость человека, который делает последнюю ставку.

— Я отвлеку. Беги, твою мать!

И прежде чем Артём успел что-то сказать, Лука выскочил из укрытия. Он выбежал на открытое пространство и закричал. Это был не человеческий крик: гортанный, рваный, на каком-то языке, которого Артём никогда не слышал, но который, казалось, был старше самих камней.

Процесс на площади остановился.

Все головы, сотни голов повернулись к Луке. И в их глазах вспыхнула ярость. Чистая, абсолютная ярость тех, кого оторвали от священнодействия.

Лука, не оглядываясь, бросился в противоположную сторону, увлекая за собой волну внимания. Толпа колыхнулась медленно, как сонное море, и потекла за ним.

Артём рванул к фонарю.

Он бежал, пригибаясь, стараясь ступать бесшумно. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот вырвется из груди и останется здесь, на брусчатке, отдельной темной тенью. Каждый удар отдавался в висках, в ушах, в кончиках пальцев.

Он добежал. Рухнул на колени перед трещиной в плитах.

И замер.

Он добежал. Упал на колени перед той самой трещиной в плитах. Но что делать? Лука не сказал. Просто «точка разлома».

И тогда он почувствовал на спине ледящий холод, который ударил в спину, заставив волосы на затылке встать дыбом. Артём поднял голову.

Тьма, та самая, что стирала людей, теперь клубилась над ним и медленно, неумолимо сползала к нему.

Она приближалась.

Холод сковывал дыхание. Мысли спутались. Страх парализовал. Он хотел крикнуть, позвать Луку, но горло было сжато.

Закрой глаза, — пронеслось в голове обрывком мысли, может, его собственной, а может, свыше.

Не смотри на неё.

Артём зажмурился.

Он вжался спиной в холодный металл фонаря. Над ним была только чёрная, пульсирующая масса небытия. Она была уже в шаге.

И тогда, в последней, отчаянной попытке спастись, он рванулся не прочь, не наружу, а *внутрь*.

Глубже.

Мимо гаража, мимо запаха масла и шуток Бори. Мимо Инны, мимо ее улыбки, мимо боли расставания. Глубже, в самый низ, в фундамент, на котором держалось все.

Детство.

Он вспомнил деревню. Он вспомнил деда. Лето. Жаркий полдень.

Он, маленький, сидит в старом корыте, которое дед выдал за «корабль», на краю огорода. Солнце печёт спину, пахнет нагретой землёй, помидорами, огурцами и мокрым деревом. Он бьёт ладонями по тёплой воде, поднятой из колодца и нагретой солнцем.

Он смеётся. Просто так. Потому что он — капитан. Потому что солнце светит. Потому что дед смотрит на него с крыльца и улыбается своей редкой улыбкой. В этой памяти не было ни тени сомнения, ни страха, ни тоски. Только абсолютное, простое, кристальное счастье бытия и беззаботности.

Он вжался в это воспоминание, как в щит. Обнял его изнутри. Тёплое солнце реального мира вступило в схватку с ледящей тьмой Сумрака.

Раздался оглушительный треск, будто лёд на реке. Артём почувствовал, как его отбрасывает, закручивает в воронку...

Он проснулся и выпрыгнул с кровати, задыхаясь, как будто пробежал марафон. Тело было мокрым от холодного пота. Но при этом словно только, что он был в детстве. Трясущими руками провёл по лицу, по груди — цел, жив. Стигматы на ладонях горели, будто их только что заново высекли на руках.

Он подбежал к окну, рванул штору с такой силой, что едва не сорвал карниз. Предрасветная Москва — серое небо, редкие машины, мусорные баки у соседнего подъезда. Нормальная жизнь. Обычная. Скучная. Драгоценная.

Он жадно глотал этот вид глазами, напивался им, как пустынный водой.

И тут он ее увидел.

Прямо на тротуаре у его подъезда, пошатываясь упала фигура в светлом пальто. Артём узнал ее по волосам.

Инна.

Сердце, которое только-только начало успокаиваться, снова сорвалось в галоп. Но теперь это была другая паника, человеческая.

Весь ужас ночи, вся тьма, все ритуалы исчезли, стерлись, стали неважны.

Артём, в одном нижнем белье, на ходу хватая первую попавшуюся майку, вылетел из квартиры, громыхнул дверью, понесся вниз по лестнице, перепрыгивая через ступени.

Он не заметил, как возле кровати, на том месте, где валялся его тапок, остался лежать маленький бутон.

Черной розы.

Глава 4. Не та дверь

Артём выбежал на улицу босиком, холодная крошка асфальта впивалась в ступни. Он рухнул на колени рядом с ней, и гравитация здесь, у дома, вдруг показалась сильнее, чем обычно. Будто сама земля тянула их обоих куда-то вниз.

Она дышала. Ровно, глубоко, но без сознания. Щеки мокрые — следы слез, еще не высохших на холодном утреннем воздухе. Из сумки, помимо апельсинов, торчало горлышко пустой бутылки. Проссеко. Дешевое, игристое, женское. Инна всегда любила такое за легкую горчинку и пузырьки, щекочущие нос.

— Инна! Инн! — он осторожно потряс её за плечо.

Она застонала, повернула голову. Глаза открылись, мутные, невидящие. Узнавание заняло несколько долгих секунд. Она улыбнулась.

— Ар... Артём? — её голос был сломанным, пьяным. — Что... где я?

— У моего подъезда. Ты упала. — он уже подхватывал ее под мышки, чувствуя, как дрожит все тело. — Держись, помогу подняться.

С большим трудом, почти на себе, он доволок её до квартиры, усадил на диван в зале. Она была легкой и беспомощной, как ребёнок. Где-то на подсознательном уровне Артём радовался. Он принес воды, мокрое полотенце и тазик на всякий случай. Пока она пила маленькими глотками, дрожащими руками, он видел, как её взгляд проясняется, а вместе с ним приходит и стыд.

— Боже, прости, я... я не, не знаю, как это вышло. Шла просто... — она почти растягивала слова и потом замолчала, уставившись в стакан.

— Шла куда? Что случилось? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, а не как у следователя.

Инна горько усмехнулась. И это была не её улыбка. Та, прежняя, светлая, открытая, с ямочками на щеках. Эта улыбка была трещиной. Трещиной на лице, из которой сочилась боль.

— Ты знаешь, в нашей светлой, правильной до безумия квартире, где всё по долбанной линейке. Где Сережа знает, что мы будем есть в следующую субботу и какого цвета обои будут в загородном доме через пять лет. — Она отпила ещё воды, и голос её стал тише, но острее. — Я, я... я там задыхаюсь, Артём. Мне стало сложно. Невыносимо сложно. Как будто я стала частью его жизни, без своей личности. Красивой, но неживой деталью. Даже дочку отвезла к родителям, чтобы... чтобы хоть минуту побыть собой. А себя я уже не помню.

Она подняла на него глаза. И в них Артём увидел то, что знал и в себе. Не тоску. Тоска — слишком мягкое слово. Это был голод. Голод по чему-то настоящему, по шрамам и неровностям, по живому, пусть и неидеальному.

— Я сегодня просто взяла и ушла, — голос ее сорвался. — Послав его на три буквы. Купила шампанского. Хотела забыть. Стереть его, тебя, из головы. И... ноги сами принесли меня сюда. К твоему дому. Наваждение или я сума сошла. Потому что ты... ты всегда был незаурядным, что ли. Со своей тихой грустью. Ты — живой. И я это вдруг... вспомнила. Зря я это говорю и вообще я не понимаю, что я тут делаю.

Она была в смятении и искала глазами выход.

Эти слова обожгли Артёма. В них была суть, о которой он молил все эти годы, и от которой теперь бежал бы прочь, она что-то еще чувствует к нему. Его сердце, предательское, забилося чаще. Он видел её уязвимость, её боль, и древнее чувство проснулось не как романтическая мечта, а как инстинкт — защитить, обогреть, спасти. Он «спасатель» — она «жертва», все как в старые былые времена.

Он поухаживал за ней. Налил крепкого чая, разогрел куриный суп. Молча слушал её сбивчивую, пьяную исповедь о пустоте в браке, о страхе стать «идеальной женой на идеальной кухне и умереть там тихо, под шум вытяжки».

О том, что Сергей хороший, правильный, заботливый, но с ним она не дышит.

Он не давал советов. Просто был рядом. И в этой тишине, нарушаемой лишь её голосом и тиканьем часов, старое чувство начало менять форму. Из тихой грусти оно превращалось в острое, болезненное желание. Желание получить второй шанс. Исправить что-то. Спасти её уже не абстрактно, а вот так, здесь, на своем старом диване.

Когда она немного пришла в себя, когда перестала всхлипывать и допила чай, он взял ее руку. Осторожно, как хрупкую вещь, которую можно раздавить одним неловким движением.

— Инна... — голос его сорвался, пришлось прокашляться и начать заново. — может, я не прав, но ты не думала? Может, не нужно возвращаться в тот дом? Останься. Хотя бы на сегодня. Я...

Он не договорил.

Выражение ее лица остановило его, как пощечина. Не отторжение. Не брезгливость. Хуже. В ее глазах была бесконечная, всепонимающая жалость. И печаль. Та самая, с которой смотрят на больную собаку, понимая, что помочь уже нельзя.

— Артёмик, милый мой, нет, — она мягко высвободила свою руку. Её взгляд был уже трезвым и твёрдым. — Ты прости меня, правда. Я приползла сюда, как раненый зверь, чтобы вспомнить, какой я сама была. Но мой срыв тебя не должен так трогать и давать надежду.

Она говорила тихо, но каждое слово падало, как молот.

— Это неправильно. И нечестно. Ни по отношению к тебе, ни ко мне. Я должна разбираться со своей новой жизнью одна. А не искать старую.

Он откинулся назад, словно её слова были физическим ударом. Хуже Сумрака. Она была права, даже в своём состоянии, была сильнее и честнее него.

И в этот момент, когда в комнате повисла тяжёлая, горькая тишина, Артём почувствовал. Не увидел и не услышал. Именно почувствовал. Лёгкое движение воздуха там, где его не должно было быть. Едва уловимый запах сырого камня, перебивающий запах чая. И холодок. Тот самый, леденящий холодок Сумрака, идущий от... от спальни.

Артём резко поднял голову. Взгляд упал на стену за диваном. И он увидел.

Тень.

Она не принадлежала мебели. Она была чуть темнее, чуть гуще, чем обычная тень от шкафа. И она двигалась. Медленно, как жидкая смола, стекала с потолка по стене, принимая нечеткие, вытянутые очертания. Очертания, похожие на человека. На человека с раскинутыми руками.

Сумрак не просто маячил в его снах.

Он пробивался. Искал слабое место. А слабое место Артёма, его боль, его незажившая рана по имени Инна сидела прямо здесь, на диване. Она была маяком для этой тьмы. Светом, на который тени слетаются, как мотыльки.

Ужас, холодный, ясный, отрезвляющий вытеснил всю боль и нежность моментально. Как волна смывает замок из песка.

Артём вскочил.

— Тебе нужно идти, — сказал он. Резко. Почти грубо.

Инна удивленно подняла брови. Растерянно, даже обиженно.

— Что? Артём, я только...

— Сейчас же! — голос звучал незнакомо. Чужой голос. Жесткий, как сталь. Она отшатнулась.

Он схватил ее за руку, поднял с дивана, сунул в руки сумку. Апельсины покатались по полу, оранжевые шары, уродливо яркие в этом сером утре.

— Ты права, — выдохнул он, толкая ее к прихожей. — Ты должна разбираться со своей жизнью сама. И делать это нужно не здесь. Выходи. Позвони мужу. Вызывай такси. Уходи. Немедленно. Пока!

Он почти вытолкнул ее в коридор, сунул в руки пальто, которое свалилось с вешалки. Она смотрела на него с испугом и обидой, такой глубокой, что, наверное, запомнит на всю жизнь. Но что-то в его лице — дикое, почти паническое не позволяло ей спорить. Она молча накинула пальто, вышла за дверь.

Дверь захлопнулась.

Артём прислонился к косяку, закрыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание не слушалось. Он пытался отдышаться, пытался убедить себя, что показалось, что это просто нервы, что Сумрак не может...

Холодок из спальни усиливался.

Он открыл глаза. Повернул голову в сторону темного коридора, ведущего в комнату. Там, в глубине, что-то ждало. Не двигалось. Не дышало. Просто ждало.

Артём собрал всю волю, какая осталась. Сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. И шагнул в спальню.

Включил свет и застыл.

Над его кроватью, прямо на стене, проступало изображение. Оно было составлено из влаги, тени и чего-то еще, пульсирующего, липкого, черного, что не могло быть просто конденсатом или игрой света. Оно сочилось из обоев, проступало сквозь краску, формировалось прямо на глазах.

Распятый человек.

Очертания были размыты, но узнаваемы. Вытянутые руки, склоненная голова, искаженное мукой лицо. Черты Луки — его глаза, его скулы, его рот, открытый в беззвучном крике, проступали сквозь темное месиво.

Глаза смотрели прямо на Артёма.

В них не было упрека. Не было злобы. Только ужас. Только страх. Тот самый, животный страх, который Артём видел в зеркале каждую ночь последнего месяца.

Сумрак не просто пробивался.

Он уже был здесь.

Глава 5. Вопрос

Это был не сон. Это была воронка, настоящая, физическая, разрывающая ткань реальности. Изображение Луки на стене вдруг перестало быть просто изображением. Оно ожило, разверзлось, превратилось в черный провал, который не просто засосал Артёма, а он высосал саму комнату. Воздух, свет лампы, пыль на подоконнике, память о только что захлопнувшейся за Инной двери, все это устремилось в черноту, как вода в сливное отверстие гигантской ванны.

Артём не успел закричать. Не успел даже понять, что происходит.

Мир схлопнулся, вывернулся наизнанку, скрутился в тугую спираль. На секунду или на вечность ему показалось, что он видит себя со стороны: маленькую фигурку, засасываемую в черную дыру, которая только что была стеной его спальни. Потом не осталось ничего. Ни тела, ни мыслей, ни страха. Только падение. Бесконечное, беззвучное, ледяное падение в никуда.

Как в фильме «Интерстеллар», — подумал он обрывком сознания, и эта мысль была последней, прежде чем тьма сомкнулась окончательно.

Очнулся он от того, что в спину впивались острые края брусчатки.

Артём открыл глаза.

Он лежал на дороге. На окраине города-Сумрака. Широкая, древняя мостовая, уходящая вперед между двух стен из дикого, необработанного камня. Стены вздымались так высоко, что терялись в черно-сером небе, не оставляя даже намека на верхнюю границу.

Воздух здесь был неподвижным и сухим. Ни запаха сырого камня, ни воска, ни горечи. Ничего. Абсолютная стерильность, какая бывает только в местах, где не осталось даже бактерий. И только темная дымка напоминала, что он во сне.

Артём поднялся, огляделся. Сзади дорога терялась в темноте города. Там, вдали, угадывались очертания города, те самые шпили, те самые крыши, тот самый лабиринт. Впереди, метров через сто, она упиралась в стену. Не в здание, а в отвесную, бесконечно высокую скалу цвета холодного пепла. Ни выступов, ни трещин. Абсолютный тупик.

У её подножия, у потухшего, окаменевшего кострища, сидел человек. Он был закутан в простой, грубый плащ, а лицо его... его лицо было лишено возраста. Это не была молодость или старость. Это была гладкая, словно отполированная временем, маска, на которой застыло выражение не скорби, а полной, абсолютной опустошённости. В его глазах не было ни злобы, ни любопытства, ни даже усталости. В них просто не было ничего. Ни искры. Ни жизни.

Только пустота.

Артём остановился в нескольких шагах от кострища. Легкий холодок пробежал по его коже. Страх требует энергии. А здесь не осталось энергии. Поэтому он этот страх осознал только подсознательно.

Человек медленно, очень медленно поднял голову. Его пустой взгляд встретился с глазами Артёма, и это было хуже, чем если бы он набросился. Хуже, чем если бы из его рта полился тот бесконечный, высасывающий душу шепот.

Он просто смотрел. Сквозь. В никуда.

Потом его губы шевельнулись. Голос, который раздался, был плоским, лишенным тембра, как скрип сухого дерева, как шорох песка по камню. В нем не было жизни. Вообще.

— Я — Предзнаменование.

Он не добавил «что тебе нужно» или «кто ты». Эти слова здесь не имели значения. Словно на каком-то уровне подсознания были понятны следующие шаги.

— Сформулируй свою цель, — продолжил он. Голос его был всё таким же плоским, лишенным жизни, но в нем появилось что-то новое. Тяжесть. Значимость. — так, чтобы она стоила того пути, что тебя ждёт. Слова здесь — ключ.

Слова здесь — ключ.

Артём почувствовал, как язык прилипает к нёбу. Во рту пересохло так, будто он неделю шел по пустыне. Мысли заметались, как крысы в горящем амбаре, и начали рассыпаться, едва он пытался за них ухватиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.